

Рано утром Мишель лично привезла Ли Сычэня на съёмочную площадку. С того самого дня, как она усыновила мальчика, они почти не расставались, а теперь им предстояла разлука на целый месяц. Мысль о том, что она останется в пустом доме совсем одна, заставляла её сердце сжиматься, а её глаза — подозрительно блестеть.

— Карлос, будь осторожен, — засуетилась Мишель, в десятый раз проверяя его вещи. — Обязательно ешь, даже если будешь очень занят. Больше отдыхай. И... не капризничай, ладно? Помни, эти люди не станут потакать тебе так, как мать. Понимаешь?

Мишель никогда не была болтливой, но сейчас волнение взяло верх. Несмотря на вчерашние суровые наставления о великих целях, Сычэнь почувствовал, как к горлу подступил комок. Он серьезно кивнул, стараясь запомнить каждое её слово.

— Я всё понял, мама. Обещаю, я буду помнить всё, что ты сказала.

— Вот и славно, — Мишель приобняла Сычэня за плечи и ласково коснулась губами его волос. — Карлос, ты начал учиться позже других детей, а теперь пропустишь ещё месяц занятий. Прощу тебя, не забывай про учебники, когда будет свободное время. Хорошо?

— Угу, — отозвался мальчик, уткнувшись в плечо матери.

Ему тоже было тяжело уезжать, но Сычэнь понимал: без этого шага ему не добиться успеха. Он не сможет соответствовать её высоким стандартам и никогда не заработает достаточно денег, чтобы завалить её подарками.

— Ну иди, — Мишель мягко отстранилась и взглянула на мужчину, стоявшего неподалеку. Потрепав сына на прощание по голове, она добавила: — Ступай. Я буду ждать тебя дома.

Сычэнь обернулся. За его спиной, в нескольких шагах, стоял Лю Шаньчэнь — единственный человек с восточной внешностью в этой суетливой толпе. Мальчик помахал матери рукой, борясь с желанием броситься обратно.

— До свидания, мама! Береги себя, отдыхай побольше и не забывай обедать. Не переутомляйся!

— Обязательно, — улыбнулась Мишель. В этот момент она окончательно убедилась, что усыновление этого ребенка стало лучшим решением в её жизни.

Сычэнь подошел к Шаньчэню. Глаза мальчика припухли, но он держался стойко, не позволяя слезам скатиться по щекам.

— Это твоя мать? — негромко спросил Шаньчэнь. — Я почему-то думал, что твои родители — китайцы.

Увидев Сычэня на кастинге, Шаньчэнь не сомневался, что перед ним чистокровный китаец или, по крайней мере, метис. Реальность оказалась иной. Вообще-то Лю не отличался любопытством, но встреча с соотечественником, да ещё и таким одаренным ребенком в чужой стране, пробудила в нём странный интерес. Впрочем, задав вопрос, он тут же об этом пожалел.

Сычэнь ответил спокойно, без тени смущения:

— Это моя приёмная мать. Она относится ко мне гораздо лучше, чем родная.

О своей биологической матери Сычэнь не помнил ничего, и в его сердце место «единственной мамы» давно и прочно заняла Мишель.

— Понятно, — лаконично кивнул Шаньчэнь. Расспрашивать дальше он не стал: у каждой приёмной семьи свои тайны.

— Кстати, брат Шаньчэнь... — Сычэнь робко потянул его за рукав. — Ты не мог бы научить меня писать китайские иероглифы?

Мальчик никогда не ходил в школу и не владел грамотой. Всё, что он умел — это писать собственное имя, которому его когда-то научила тётушка Чжан, рисуя прутиком на земле. Те три иероглифа он выводил годами, но Сычэнь всегда считал китайскую письменность невероятно красивой и страстно желал её освоить. В Америке такого шанса у него не было.

Лю Шаньчэнь удивленно приподнял бровь:

— Ты совсем не умеешь писать?

— Совсем чуть-чуть... только своё имя. Пожалуйста, научи меня! — взмолился Сычэнь. Кроме Шаньчэня, просить было некого, и мальчик понимал: если он упустит эту возможность сейчас, другой может не представиться.

Глядя на это серьезное, полное надежды лицо, Шаньчэнь — человек обычно холодный и сдержанный — почувствовал, как в груди шевельнулось сострадание. Он положил ладонь на голову Сычэня.

— Хорошо. Научу.

— Ура! Спасибо, брат Шаньчэнь! — Сычэнь от радости обхватил мужчину за талию. — Спасибо огромное! Обещаю, я буду очень стараться!

В этот миг он перестал казаться не по годам взрослым и серьезным актером, каким был вчера на пробах. Сейчас он был просто счастливым ребенком — искренним и непосредственным.

Они вошли в павильон. Те, кто не присутствовал на вчерашнем прослушивании, но уже был наслышан о таинственном мальчике, принялись подшучивать:

— Лю, ну ты даешь! Где ты откопал такого очаровательного китайчонка? Тебе чертовски везет.

Шаньчэнь посмотрел на Сычэня, и едва заметно улыбнулся, хотя обычно был бесстрастен.

— Наверное, это судьба. У мальчика незаурядный талант.

Услышав похвалу, Сычэнь просиял.

— Карлос! — к ним поспешил режиссёр Бенсон. Он с размаху хлопнул Сычэня по плечу. — Я знал, что ты справишься! С нашей прошлой встречи я только и ждал возможности поработать с тобой снова.

«Ждал возможности поработать со мной?» — Сычэнь растерянно поднял голову.

— Режиссёр Бенсон, вы мне льстите. Я не настолько хорош.

— Если я говорю, что хорош, значит так и есть! Честно говоря, я бы доверил тебе и главную роль, будь ты чуть постарше, но жаль... — Бенсон осекся, не желая развивать тему расовых барьеров в Голливуде, и тут же переключился: — О, Карлос! У тебя глаза стали черными? Надо же, теперь вы с Лю и впрямь похожи как две капли воды.

Для западного человека все азиаты часто кажутся на одно лицо.

— Без этого сходства он бы не подошел на роль моего героя в детстве, — негромко заметил Шаньчэнь, не убирая руки с головы мальчика.

— Вот оно что! Значит, ты надел линзы? — Бенсон принялся внимательно вглядываться в глаза Сычэня. — Должен сказать, с черными глазами твой взгляд кажется куда более живым и глубоким, чем с теми зелеными. Уверен, в этот раз ты снова заставишь меня открыть рот от изумления!

Режиссер даже не догадывался, что всё было с точностью до наоборот: зеленые глаза были линзами, а нынешние — настоящими. Сычэнь лишь вежливо улыбнулся, не спеша исправлять ошибку. Играть одними глазами без инородного тела в них было куда комфортнее.

— Благодарю, режиссёр Бенсон. Я приложу все усилия.

— Вот это правильный подход! Не люблю эти китайские церемонии с вечными отказами от

похвал. Чуть не забыл, — Бенсон хлопнул себя по лбу, — я принес тебе сценарий. Хоть роль и не главная, у твоего персонажа больше всего экранного времени с взрослыми актерами. У них за плечами колоссальный опыт, Карлос. Надеюсь, ты не позволишь им задавить тебя своим авторитетом.

Сычэнь нахмурился. «Роль в детстве, а сцены с взрослыми?» Он вопросительно взглянул на Шаньчэня, но тот сохранял невозмутимый вид. Мальчику ничего не оставалось, кроме как взять сценарий и углубиться в чтение. Пробежав глазами по строчкам, он невольно ахнул.

Сюжет был непростым. Главный герой — человек, готовый на всё ради мести. Персонаж Сычэня (и, соответственно, Шаньчэня) страдал от врожденного порока сердца и выступал для протагониста кем-то вроде духовного наставника. Но поразило Сычэня другое: в сценарии было прописано множество диалогов между взрослым героем и ребенком.

Когда главный герой разговаривал с взрослым персонажем Шаньчэня, тот в его воображении постепенно «сжимался», принимая облик маленького Сычэня. Это означало, что мальчику предстояло вести диалог с мужчиной, который был гораздо старше его, причем делать это тоном равного или даже покровительственным.

Более того, Сычэню и Шаньчэню предстояли совместные сцены. В моменты душевных терзаний героя Лю на экране должен был появляться Сычэнь, играя ту же ситуацию, но с совершенно иным эмоциональным окрасом. Здесь требовался ювелирный контроль: одно неверное движение, и харизма Шаньчэня просто сотрет мальчика из кадра, перетянув всё внимание зрителя на себя.

«Справлюсь ли я?»

Раньше Сычэнь играл лишь крошечные эпизоды. Постоять в массовке, мелькнуть на заднем плане — там можно было расслабиться, ведь камера редко задерживается на «прохожем» дольше секунды. А здесь на него ложилась огромная ответственность.

— Режиссёр Бенсон, — Сычэнь неуверенно замялся, сжимая в руках сценарий, — это...

— Я верю в тебя, — Бенсон присел перед ним, заглядывая в глаза. — После съёмок я пересмотрел те три сцены с твоим участием. Ты чертовски талантлив. Ты делаешь то, что не под силу многим профи. Ты чувствуешь камеру, понимаешь ракурс и невероятно внимателен к деталям. Просто будь собой, и всё получится.

— А... — Сычэнь приоткрыл рот, пораженный такой оценкой. За полгода работы в массовке он не слышал в свой адрес ничего подобного.

— Не сомневайся, режиссер говорит правду, — подал голос Лю Шаньчэнь. — На пробах ты был великолепен. И пока я рядом, тебе не о чем беспокоиться.

Голос Шаньчэня был сухим и бесстрастным, но в его словах Сычэнь почувствовал такую уверенность, что страх начал отступать.

— Хорошо, — кивнул мальчик, крепко сжимая кулаки. — Я не подведу.

<http://bllate.org/book/17536/1704132>